КРАСНЫЙ УГОЛ

Сталин, в ризах образа...

Идёт война народная,
Священная война…

В 50-Е ГОДЫ прошлого века, уже после Отечественной войны, в одном из сёл под Саратовом я собирал материал к картине "Земля опалённая". Подружился с местными крестьянами, часто бывал у них в избах. И даже написал целую серию этюдов их быта. Часть раздарил, часть осталась у меня. Образ тракториста из этого села — ветерана Отечественной войны — и стал центральным образом картины.

Не так давно, наводя порядок на полке этюдов, я наткнулся на эту серию. Я её никогда не выставлял, как бы забыл. И вот передо мной маленький, обычный этюд фрагмента интерьера одной из изб этого села. Очевидно, типичный, ведь я ранее его никак не выделял.

На этюде — просто изображение красного угла избы. Просто? Нет! Сегодня вдруг увидел этот этюд глазами нашего времени. И он меня поразил простотой и ясностью выражения миропонимания обычных людей той послевоенной эпохи.

Вроде ничего необычного для тех дней: окно, стол, цветы в горшках и, естественно, иконостас в красном углу. И вдруг там же оказался и плакат со Сталиным! И не просто Сталин — здесь он с поднятой рукой и помещён так, что эта рука как бы утверждающе направлена на иконостас…

Этот тогда случайный бытовой этюд ныне я воспринял совсем по-иному. В нём проявились не только естественная повседневность тех лет, но и понимание жизни в нашей стране, которое в этом этюде оказалось остро, неожиданно и парадоксально для сегодняшнего дня выражено. Этот этюд оказался для меня поводом для серьёзного раздумья о понимании сути жизни людьми того мира, того времени — военных и послевоенных лет. Простыми сельскими людьми. Людьми, победившими фашизм.

А может, этот образ как символ жизненных связей относится не только к тем годам, но и к нашему современному пониманию и Отечественной войны, и всей истории нашей Родины? А может, и мира?

Красный угол в избе поволжского села тех далёких лет с иконами и плакатом со Сталиным — это тогда не удивляло. Село жило дружно, в крепких избах, плакаты о сельском труде и праздниках были повсеместно. Но в этом красном углу был плакат не просто со Сталиным, а именно с жестом утверждения. И случайно ли именно так он был повешен хозяевами — с рукой, утверждающе поднятой к иконостасу?

А может, этот красный угол отразил отнюдь не случайность, а понимание страны и мира людьми, прошедшими Великую Отечественную войну? Понимание не просто роли Сталина и роли нашей традиционной веры, но их связи в священной войне?

Да, такое понимание было и есть — наперекор многому. И нам, сегодняшним, нужно уметь видеть многосложность судеб страны и истоки наших побед.

Вот стихи Константина Симонова о той эпохе:

Ты помнишь, Алёша,
дороги Смоленщины…
Слезами измеренный
чаще, чем вёрстами,
Шел тракт, на пригорках
скрываясь из глаз:
Деревни, деревни,
деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь,
наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Не верящих? Однако эта война ведь неслучайно была названа священной. Она такой была для всех. Недавно вышел сборник "Война и вера" с очень интересными воспоминаниями участников Отечественной войны. Письма о вере в Бога, помогавшей на фронте. А остальные что, были действительно ни во что не верующими? Теоретиками? Глубоко изучали теоретические труды Маркса и Ленина?.. Нет, они просто верили! Именно верили в идею, которую осознавали как путь к созданию более человечного общества — общества справедливости. Верили в идею, возвышающую человека над повседневностью. Прошлое и настоящее России были в этой вере. За неё и на смерть шли, как Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло и многие, многие другие.

А может, в этом красном углу обычной крестьянской избы явно не специально, явно даже для самих хозяев неожиданно было ярко, звонко выражено единство этих двух вер? Точнее — слитность их в единой вере. Ведь жизнь именно за это отдавали.

Признаюсь, я только сейчас увидел суть содержания этого этюда, и в эпоху разгула русофобии, советофобии это потребовало осознания.

А какую роль в этом единстве играл сам Сталин? Почему он остался в сознании людей как символ этого единства? Ведь тот красный угол чётко выразил именно это. И "Бессмертный полк" делает то же.

Да, к поражениям начала войны и Сталин имеет прямое отношение. Да, подспудно продолжалась Гражданская. Да, жизнь была предельно противоречива. Но почему же в сознании народа — тех же крестьян в поволжском селе, крестьян, ставших солдатами и офицерами Отечественной, — осталось не всё это, а роль Сталина как вождя, как символа объединения народа в борьбе и победе в невероятно тяжёлой, именно священной Отечественной войне? Символа нашего единства, символа Победы!

Тот день настал. Исполнилися сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Это замечательный поэт Михаил Исаковский, строки которого ясно выразили веру в объединяющую, а не разъединяющую наш народ роль Сталина в Отечественной войне. Роль действительно мудрого главнокомандующего, который сумел, несмотря на все ошибки, возглавить наш народ и этим помог ему выстоять и победить. Народ именно так его понимал. И красный угол в поволжской крестьянской избе зримо выразил именно это.

Да, время было сложное. Однако в сознании как крестьян и рабочих, так и интеллигенции не было никакого противоречия в единстве двух вер. Социализм был тогда не догмой, а верой, именно верой в справедливое общество и возможность своими руками строить такое общество, где главное — человек, а не деньги. В это верили. И никакие гулаги не смогли здесь помешать, народ не распался на враждебные сообщества. Да и неслучайно: уже были и бесплатное образование, и бесплатные поликлиники для всех, и доступные квартиры, скорее, по потребностям, чем по заслугам.

Конечно, нигде нет и не было общества сплошной справедливости. И сегодня нет. Не ангелы мы. Но и не деньги были богом. Труд! И — вера!

Вера в возможность создания подлинно человечного общества, вера в то, что можно к этому стремиться и для этого что-то делать своими руками. И в песнях об этом пелось. И в это верили. Верили! И так ли уж это всё не было в душах людей связано с нашей традиционной верой? Скорее, всё сходилось. "Сход" — наша традиция. Верили! Именно яростно верили — и действовали. Иначе заводы, эвакуированные с запада страны, не сумели бы к концу войны выпустить больше танков и самолётов, чем объединённая Гитлером против нас Европа. Ведь на нацистов работали заводы не только в Германии, но и в Чехии, Франции, Австрии, Швеции и так далее. И отнюдь не "безграмотные работяги" в русских полях на голом месте возрождали цеха и заводы. Это не только бабы и детишки, но и высокопрофессиональные инженеры и рабочие. Это делали не деньги. Это был народ, объединённый верой.

Да, в бой шли с именем Сталина, однако он сам в разговоре с сыном, показывая на портрет со своим изображением, говорил: "Сталин — это не я, Сталин — это он". В бой шли не за личность — за идею, за веру свою. Вера в возможность не просто победы над фашизмом, но в возможность создания подлинно человечного общества.

Сталин был не просто главнокомандующим, реально возглавлявшим армию, борющуюся с нацизмом-гитлеризмом за спасение своей страны. Он сумел стать началом, объединяющим народ, и его имя стало символом этой борьбы.

Я — участник Великой Отечественной войны. И очень ясно понимаю правду, сложную правду той нашей веры. Без объединяющего начала ни народ, ни армия не выдержали бы того гигантского напряжения, которое потребовалось, чтобы выстоять. И плакаты в красных углах изб, естественно, вешали не по приказу.

Однако этот этюд напомнил и о другом. Сегодня не просто на Сталина, но именно на эту веру льют много грязи. Да, мы знаем, был ГУЛАГ. Да, не затухла ещё Гражданская война. Брат на брата! Ненависть! И этим тёмные силы — очень разные — пользовались и в советские годы, и будут, несомненно, пользоваться сегодня.

Невероятную ложь можно встретить, например, даже в "Литературной газете". Вот номер от 23–31 декабря 2019 года. Психолог-политолог Гозман спокойно пишет в статье "Нельзя поклоняться дьяволу", что Сталин не имеет отношения к Победе над гитлеризмом, а войну выиграли простые люди, такие как деды Гозмана. А главнокомандующий и его маршалы и генералы тут ни при чём — плохие, мол, менеджеры, "мешали нам только, а потом на Мавзолей полезли". Стыдно за газету, опубликовавшую это дикое невежество и подлость.

Так где же истина нашей истории — у Гозмана или у крестьян на Волге? Ответ очевиден. Но это не хотят признавать люди, мыслящие как гозманы. Их советофобия, слившаяся с русофобией, — огромная опасность для страны. А их позиция — подлость чёрной лжи.

Народ, который позволяет унижать себя, свою историю, — под угрозой распада. Может быть, некоторые и ведут нас к этому? Распада СССР им мало?

Именно поэтому и именно сегодня я обострённо увидел историческую правду России, отражённую в этом маленьком случайном этюде, сделанном после войны в обыкновенном поволжском селе.

Да, бой за сохранение Отечества всё ещё продолжается. Я верю: правы крестьяне этого села и прав Никита Михалков, ведя ныне "бой с бесами", чтобы не дать разрушить духовное единство нашего народа.

Единство было в душах людей! И об этом именно сегодня стоит задуматься и понять, что этот красный угол не случайность, а выражение миропонимания самого народа. Дело тут не просто в личности главнокомандующего. Этот красный угол — о единстве двух вер, а по сути — о единой вере. И это было явлением массовым — всенародным.

Тот, кто этого не видит, не понимает, никогда не поймёт простой правды: разорённая невероятным нашествием, потерпевшая серьёзные поражения в начале войны, противостоявшая экономике всей Европы, наша страна не только выиграла Отечественную, но, несмотря ни на что, не потеряла и цвет своей трудовой и научной силы — иначе бы не возродилась. Взлёт культуры, искусства после Отечественной войны, как и выход впоследствии в космос первыми в мире, отнюдь не были случайностью. Всё взаимосвязано. Не деньги это сделали, а духовное единство народа.

И тот случайный этюд сегодня я осознаю как неслучайный. В нём глубокая правда эпохи! Без объединяющей веры жить и побеждать любому народу невозможно. Русскому — особенно. Этюд — именно об этом.

Здесь правда войны Отечественной — священной войны. Её так понимал народ. И это не ушло для нас в прошлое — "Бессмертный полк" и сегодня объединяет миллионы людей, наших людей. Осталась память. Должно остаться и понимание!

Да, этот маленький этюд говорит о многом. В нём не просто правда послевоенного быта, в нём правда нашей истории, нашего народа. Не дать разрушить её! Наперекор всему трудному, что было в нашей жизни. Это — наша жизнь. Жизнь огромного, мудрого народа.

Борис НЕМЕНСКИЙ,
народный художник РСФСР

ЧУЖИЕ СЛОВА

Русский, говори по-русски!

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД (или ухо) может заметить, что в современных российских СМИ, блогах, в речи политиков, теле- и радиоведущих используется огромное количество иноязычных слов. Казалось бы, мелкий, ни на что не влияющий вопрос, интересующий только языковедов. Или нет? Попробуем разобраться, почему так происходит и каковы могут быть последствия.

РАЗМЕР БЕДСТВИЯ

Найти научную оценку доли заимствованных слов в русском языке, а также изменения этой доли за последние несколько десятилетий автору не удалось. Не выдвигая притязаний на безупречность или широту подхода, сделаем некоторые оценки самостоятельно. Воспользуемся для этого Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) — информационно-справочной базой данных, представляющей собой собрание оцифрованных текстов на русском языке с XVIII века и до сегодняшнего времени.

Рассмотрим некоторые заимствованные слова, которые заменяют общеупотребительные русские. Например, слово "индустрия" заменяет родные нам "промышленность" и "отрасль". Мы увидим, что доля заимствованного слова "индустрия" в тройке "индустрия", "промышленность", "отрасль" с течением времени неуклонно растёт. Если в конце XIX века она составляла не более нескольких сотых, то в начале XXI века выросла до величины от 11 (по данным НКРЯ) до 26 (по данным поисковика Google) процентов.

Похожую картину можно увидеть и для тройки "волонтёр", "доброволец" и "доброхот": заимствованное слово "волонтёр" быстро вытесняет русские "доброволец" и "доброхот".

Надо заметить, что доля заимствованного слова в поисковых запросах примерно в 2 раза выше, чем в НКРЯ. Возможное объяснение состоит в том, что значительная часть авторов статей и книг, составляющих основу НКРЯ, как правило, взрослые, зрелые или даже пожилые люди. Они образованны, словарный запас многих из них сложился ещё во времена Советского Союза. Они менее склонны использовать заимствованные слова, особенно тогда, когда есть соответствующие русские. Люди старшего поколения если и заходят во Всемирную сеть, то поиском пользуются не так часто, предпочитая больше переходить по ссылкам. Некоторые группы пользователей — например, дети и подростки, среди авторов НКРЯ почти совсем не представлены. Таким образом, доля молодёжи среди пользователей поисковых систем намного выше, чем та же доля среди авторов текстов, составляющих НКРЯ. Молодёжь более восприимчива ко всему новому, поэтому можно предположить, что доля заимствованного слова в поисковых запросах является опережающей оценкой для этой же доли в НКРЯ.

Чтобы получить более общую картину, воспользуемся частотным словарём русского языка. Возьмём первую тысячу самых распространённых слов, выберем из них заимствованные и посмотрим, как менялась относительная частота этих слов за последние несколько десятков лет. Мы увидим, что после 1990 года резко, более чем наполовину, выросла доля заимствованных слов в публицистике. Доля заимствованных слов в художественных произведениях тоже выросла, хотя и не так сильно.

МЯГКАЯ СИЛА ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Зададим себе вопрос: как повсеместное замещение русских слов иноязычными воздействует на язык, культуру и мировоззрение?

Думаю, даже на подсознательном уровне понятно, что постоянные иноязычные заимствования наносят языку большой ущерб. Этот вопрос хорошо рассмотрен, например, Владимиром Колесниковым: "Сегодня в нашу жизнь входят сотни бытовых приборов. Оправданно ли перенимание иностранных названий (миксер, тостер, блендер, плеер, ресивер, модем, сплитер и так далее) без попытки дать понятное русское название? Эти слова воспринимаются нами просто как какие-то значки. Обезьянка в цирке ведь тоже слов не понимает, а воспринимает их как знаки к действию. Ей говорят "алле", и она понимает, что надо встать, ей говорят "ап", и она в ответ на слово-значок прыгает. Мы воспринимаем иностранные слова точно так же, как знаки к действию. Мы слышим слово-значок "миксер" и понимаем (кому объяснили), что это такой прибор для смешивания, слышим слово "тостер" и запоминаем, что это такое устройство для обжарки, и так далее. Слово "миксер" и намёка нам не даёт о том, что это. Просто значок, который надо запомнить, как цирковой обезьянке. Русские слова, напротив, несут ясность мышления, так как нет необходимости в словах-посредниках (миксер, тостер, ресивер и так далее), и вместо непонятного значка появляется осмысленное, доходчивое слово. Мы понимаем, что будильник будит, печь печёт, холодильник холодит, двигатель двигает, глушитель глушит, обогреватель обогревает, самолет летит, и так далее. Поэтому правы были и Сумароков, и Ломоносов, которые говорили, что иностранные слова замутняют мышление, осложняют понимание простых вещей и поэтому портят, калечат наш язык".

Взглянем теперь с точки зрения геополитики. Вряд ли кто-то будет спорить, что язык является одной из мишеней для так называемой мягкой силы. Достаточно вспомнить, сколько уныния вызывали постоянно появляющиеся новости об ущемлении прав русскоязычного населения на Украине и то, как болезненно восприняли в России известие о желании руководства Казахстана и других стран Средней Азии перейти на латиницу. Даже простой человек без языковедческого и политологического образования чувствует, что описанные события означают проигрыш русского мира, его ослабление. Конечно, геополитические соперники России знают об этом и делают всё возможное, чтобы заместить русский язык и кириллицу своими языком и алфавитом.

Широкое использование заимствованных слов — в последние десятилетия, как правило, из языков стран Западной Европы и США — грозит постепенным превращением русского языка в смесь языков этих стран. Русский язык в своей полноте, точности и многообразии может просто исчезнуть, превратившись в тонкую скорлупу из русских падежей, приставок и особенностей построения предложений, набитую иноязычными словами. Пожалуй, такое будущее русского языка будет настоящим подарком для геополитических соперников России. В конечном итоге каждое общеупотребительное заимствование есть проявление добровольно взятой на себя вторичности по отношению к культуре, из которой это слово пришло. Продолжая широкое использование заимствованных слов, мы перестанем быть самими собой и будем культурно поглощены западной цивилизацией, подобно тому как заражённая клетка перестаёт выполнять свои естественные задачи и начинает жить по указке вторгшегося в неё вируса. Причина этого в том, что чужие слова невольно тянут за собой чужие смыслы, цели и ценности.

Почему мы заимствуем иноязычные слова? Причин много, но, по-видимому, все они сводятся к одной, корневой причине. Она называется "нежелание мыслить самостоятельно". Во многих из нас почему-то подспудно укоренилась мысль о том, что всё хорошее и правильное в общественной жизни, в науке, в образовании, в производстве и в управлении уже придумано, и придумано не нами, и нужно только это заимствовать. Это ошибка.

Есть большие сомнения, что западные ценности могут дать миру процветание или хотя бы устойчивое существование. Нужно найти и осознать наши собственные смыслы и образы. Нужно научиться думать самостоятельно.

НАШИ ЦЕННОСТИ

Одной из главных ценностей русского народа является справедливость. Другой важной чертой является духовность, внутренний поиск высших и вечных ценностей, такого смысла жизни, где вместо постоянного стремления урвать что-то для себя происходит созидание, дарение для других.

Первопечатник Иван Фёдоров попал в окружение

Духовность, справедливость и вера в свои силы — вот те краеугольные камни, на которых граждане России могут выстроить новый, лучший мир. Может быть, не только для самих себя, но и для других народов.

Мир, где основной ценностью является выгода для себя, никогда не будет ни устойчивым, ни приятным для проживания большей части населения, ни способствующим многостороннему развитию каждого члена общества. Только высокие духовные ценности могут помочь изменить жизнь к лучшему.

Не нужно думать, что здесь предлагается построить рай на земле, — это невозможно. Но постараться избежать ада мы обязаны. Сейчас нет ясного понимания, как строить новый мир, но некоторые ближайшие шаги уже понятны. И один из этих шагов — думать и писать самим и только на своём родном языке.

Даже если опустить все приведённые выше мировоззренческие рассуждения, попробуйте объяснить: чем "коммюнике по результатам саммита" лучше "заявления по итогам встречи"? Чем "минимизировать риски неконтролируемой децентрализации" лучше "снизить опасность неуправляемого распада"? Почему нужно писать "индустрия", а не "промышленность", "инвестиции", а не "вложения", "бизнесмен" вместо "предприниматель", "волонтёр" вместо "доброволец", "демонтаж" вместо "разрушение", "коллапсировать" вместо "сворачиваться", "плюрализм" вместо "множественность", "трансфер" вместо "передача", "электорат" вместо "избиратели", и так далее и тому подобное? Давайте наконец перестанем унижать свой родной язык бездумными, беспричинными заимствованиями.

Есть, правда, слова, для которых подходящее родное слово найти непросто. Что делали наши предки в этом случае, что делают и сейчас в англоязычном мире? Правильно, придумывают новое слово. В ряде случаев достаточно вспомнить старое слово, вытесненное иноязычным.

Конечно, не все заимствования угнетают наши язык и самобытность. Вполне естественным и безопасным выглядит заимствование названий предметов и явлений, являющихся особенностью культуры других стран и народов, таких как "суши", "пицца", "доллар" или "кимоно".

При оценке безопасности заимствования необходимо рассматривать иноязычные слова не по одному, а как целый пласт, пришедший за исторически короткое время из определённой культуры или набора родственных культур. Если размер пласта мал и заметен только языковедам, скорее всего, заимствование безвредно. Если же происходит быстрое, за два-три десятка лет, втаскивание большого объёма чужих слов, видное многим обывателям невооружённым глазом, то впору говорить о языковом вторжении.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДНОМУ

Многие люди осознают, что в той или иной степени всё, что они говорят и пишут, влияет на читателей, зрителей, слушателей. Однако, может быть, не все понимают, насколько глубоко воздействие используемого языка и словарного запаса, насколько от этого зависит будущее нашей страны и её граждан и даже всего мира.

Независимость страны и народов, её населяющих, является основополагающей потребностью каждого жителя, хотя, может быть, и не осознаётся явно. Строится она в том числе на собственном языке, который неизбежно и помимо воли говорящего передаёт не только прямой смысл, но и смыслы более высоких уровней и, что особенно важно, основополагающие ценности. Язык является важнейшей частью основания, на котором выстраивается суверенитет государства. Без такого основания народ будет в лучшем случае перенимать чуждые ему ценности, а в худшем — колебаться, как флюгер на ветру, подвергаясь лёгкой изменчивости идеалов и теряя, в конце концов, свою самобытность и смысл жизни.

Конечно, широкое использование заимствованных слов не является ни первичной, ни единственной, ни самой главной причиной нашей сегодняшней подчинённости Западу. Однако, действуя каждый день мягко и ненавязчиво, языковое вторжение обеспечивает нашим соперникам стратегическое превосходство, угнетая русскую культуру и волю к самостоятельному движению вперёд. Пока на одном уровне геополитического соревнования мы пересматривали кабальные соглашения о разделе добытых на нашей земле полезных ископаемых, помогали отразить грузинское нападение на Южную Осетию, создавали ЕАЭС, присоединяли Крым и осуществляли успешные действия в Сирии, на другом, стратегически более высоком уровне мы безропотно допускали размывание нашей самобытности. А лучшая, чем у соперника, стратегия, как известно, — верный путь к победе, даже если тактика хромает.

Что можно с этим сделать? Самое главное — осознать, что текущее положение губительно для будущего России и народов, её населяющих. Нужно требовать от властей действительной, а не мнимой поддержки русского языка и языков других коренных народов России. Рассказывать друзьям, родным и сотрудникам. Поддерживать политические силы, осознающие важность процветания русского языка и других языков коренных народов России. И конечно, начать нужно с себя. Ведь любой человек, считающий себя частью русского мира, может прямо завтра начать постепенное, но неуклонное движение к тому, чтобы заменить в своём личном словаре подавляющее большинство иноязычных слов на русские.

Роман МЕЩЕРЯКОВ

ХПОСТРОФ

Кирилл ФРОЛОВ. Создание "Православной церкви Украины" как новый раскол и феномен протестантизма восточного обряда. — СПб.: Алетейя, 2020. — 704 с.

НОВАЯ КНИГА известного православного публициста посвящена разоблачению антиправославного и антироссийского проекта "единой поместной церкви Украины", созданной в 2018–2019 годах совместными усилиями киевской "евромайданной" власти и Константинопольского патриархата.

В книге на обширном историческом материале исследуются истоки и причины создания так называемой Православной церкви Украины (ПЦУ), её религиозная и политическая деятельность как паранацистской секты, не имеющей отношения к православию.

Объединение под омофором Фанара таких неканоничных структур, как "Украинская православная церковь Киевского патриархата" (УПЦ КП) и "Украинская автокефальная православная церковь" (УАПЦ), с которыми до того не имела канонического общения ни одна поместная православная церковь, было совместной операцией Ватикана и американских спецслужб, чьим контрагентом является патриарх Константинопольский Варфоломей (Архондонис). Остриё этой спецоперации направлено против России и против вселенского православия.

Автор подробно анализирует догматические ереси представителя патриарха Константинопольского в США архиепископа Елпидифора (Ламбриниадиса): роль Константинопольского патриархата как аналога Бога Отца, якобы директивно управляющего Лицами Святой Троицы, "звание первого без равных" в православном мире, — эти доктрины слеплены по католическому образцу и прямо противоречат всей православной традиции. Раскрывается тесное взаимодействие верхушки Константинопольского патриархата с католической церковью и её нынешним предстоятелем, поддержавшим "гей-браки", иезуитом папой римским Франциском (Бергольо), а также их связи с глобальными антихристианскими элитами.

Поэтому неудивительно, что многие иерархи и клирики ПЦУ, вышедшие из американских НПО и ориентированные на США, в реальности исповедуют даже не "католицизм восточного обряда", а "протестантизм восточного обряда", направленный на полное управление волей своих прихожан.

Исследуются механизмы согласованных действий Константинопольского патриархата, Ватикана и западных спецслужб по захвату и подчинению поместных православных церквей методами подкупа, шантажа и насилия. Одним из инструментов разрушения вселенского православия, которое, по словам католика Збигнева Бжезинского, стало после краха коммунизма "единственным врагом Америки", являются требования признать ПЦУ, что вслед за Константинополем уже сделали Александрийская, Греческая (Элладская) и Кипрская православные церкви. Огромное давление оказывается в связи с этим на другие поместные церкви, не исключая Русскую и Сербскую, которые сразу заявили о непризнании ПЦУ и приостановили каноническое общение с Фанаром.

Помимо удара по вселенскому православию, сопоставимого по своим последствиям с Великим расколом 1054 года, создание ПЦУ носило и выраженный антироссийский, антирусский характер, закрепляя "украинскую" русофобию на религиозном уровне, распространяя её за пределы ареала униатской, "греко-католической" церкви, до того духовно окормлявшей украинский национализм.

По словам К. Фролова, "негативная идентичность" (термин А. Щипкова), "униатская мутация" "украинства", не имея своего цивилизационного, национального фундамента, заимствовала его у нацизма, ярким примером чего является "официальная икона" ПЦУ, уже отправленная для поклонения во все воинские части Украины, на которой в качестве "святых" изображены убеждённые нацисты: униаты по вероисповеданию, гитлеровские пособники из ОУН-УПА* и боевики из "Правого сектора"*, осуществившие в 2014 году переворот в Киеве.

Показательно, что в октябре 2020 года "Фэдир, архиепископ Полтавский и Кременчугский" ПЦУ "освятил" под Полтавой мемориал в честь Ивана и Юрия Липы. Юрий Липа — известный расист и русофоб, униат по вероисповеданию, идеолог ОУН-УПА, который тесно сотрудничал с Третьим рейхом и был автором "бандеровской" программы уничтожения на Украине евреев и "шести миллионов московитов, паразитов на украинской земле", требовал расчленения России с отделением от неё казачьих, поволжских, сибирских и дальневосточных земель. На основании "трудов" Юрия Липы, которые проецировали на украинских националистов нацистский план "Ост", другой галицкий униат, глава "Украино-американского комитета" Лев Добрянский написал, а Конгресс США в 1959 году принял "Закон о порабощённых нациях", согласно которому целью политики США является расчленение России.

Отдельной темой книги, во многом идущей вразрез с преобладающими в современном российском обществе мнениями, является тема сопротивления православного населения Украины деятельности киевских властей и поощряемых ими раскольников из ПЦУ. Автор специально отмечает, что "слишком многие в Москве просто любой ценой хотят спасти проекты "Украины как анти-России", убедить "верхи" в том, что этот проект — навсегда, необратим, "сопротивления нет, и оно бесполезно", а те, кто утверждает обратное, "неадекваты", и "прислушиваться к ним ни в коем случае нельзя". Поэтому тем более необходимо пробить стену "спасателей" русофобского униатского "мазепинского" проекта.

Правда же состоит в том, что миллионы людей, верных Украинской православной церкви Московского патриархата, претерпевая многие испытания, словом и делом доказывают: истинную Церковь Христову на колени не поставить и не заставить поклоняться лжепастырям, волкам в овечьих шкурах!

Владимир АРХАНГЕЛЬСКИЙ

* Террористические организации, запрещённые в России.